

DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.9

УДК 314.38, ББК 60.723.4

© Шишкина М.А., Попова Л.А.

Влияние современной просемейной демографической политики на интенсивность рождаемости в северных регионах России*

**Мария Александровна
ШИШКИНА**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уральского отделения РАН
167982, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26
maria-koroleva0018@rambler.ru

**Лариса Алексеевна
ПОПОВА**

доктор экономических наук
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уральского отделения РАН
167982, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26
la_popova@lenta.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, целью которого является оценка эффективности государственных мероприятий по стимулированию рождаемости в России и ее северных регионах, их влияния на повышение интенсивности рождаемости в 2007–2015 гг. Актуальность такой территориальной локализации исследования определяется высокой миграционной убылью населения репродуктивных возрастов в большинстве регионов Севера, ус-

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-02-00355 «Влияние федеральных и региональных мер демографической политики на репродуктивные установки населения и перспективы рождаемости») и в рамках выполнения НИР «Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России» (№ ГР АААА-А16-116021210329-2).

Для цитирования: Шишкина, М.А. Влияние современной просемейной демографической политики на интенсивность рождаемости в северных регионах России / М.А. Шишкина, Л.А. Попова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 1. – С. 161-177. DOI: 10.15838/esc/2017.1.49.9

For citation: Shishkina M.A., Popova L.A. Impact of structural and behavioral factors on the birth rate in the northern regions of Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 161-177. DOI: 10.15838/esc/2017.1.49.9

губляющей нарастающее неблагоприятное воздействие на рождаемость изменений возрастной структуры, обусловленных демографической историей страны. Научная новизна состоит в определении суммарного демографического эффекта действующих мер просемейной политики, оценке результатов усиления ее мероприятий, а также в дополнении научных исследований о выявлении вклада поведенческой компоненты рождаемости в формирование итогового числа детей в семье в условиях ее государственного стимулирования. Для достижения поставленной цели был использован метод стандартизации по возрастным коэффициентам рождаемости 2006 г. Выявлено, что во всех рассматриваемых территориях интенсивность рождаемости наиболее значительно увеличилась среди женщин средних и особенно старших репродуктивных возрастов, но в характере трансформации возрастной модели рождаемости есть региональные особенности и различия. Запланированное к началу второго этапа действия «Концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 года» повышение суммарного коэффициента рождаемости в 1,3 раза, как и в целом по стране, в большинстве северных регионов достигло целевых значений ранее установленного срока. В условиях реализации демографической политики число родившихся в северных субъектах Федерации оказалось на 195,6 тыс. человек, или на 18,8%, больше, чем оно было бы при сохранении интенсивности рождаемости на уровне 2006 г. Сделана попытка обоснования различий в повышении интенсивности рождаемости в разрезе северных регионов России. В период 2010–2015 гг., когда происходило нарастание негативного воздействия фактора возрастной структуры, с одной стороны, и усиление мер демографической политики – с другой, наблюдается увеличение вклада поведенческой компоненты в формирование итогового уровня рождаемости. Рост интенсивности рождаемости связан с высокой потребностью семей с детьми в улучшении условий жизни, субъективная оценка которых в качестве неудовлетворительных является фактором ограничения рождаемости в обществах с малодетным типом репродуктивного поведения.

Ключевые слова: интенсивность рождаемости, демографическая политика, факторы рождаемости, возрастная структура, репродуктивное поведение, северные регионы России.

Рассмотренные в статье северные регионы России, включающие субъекты Федерации, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и местностям, приравненным к ним¹, поскольку по субъектам есть возможность получить достоверную статистическую информацию для межрегиональных сравнений, значительно различаются по харак-

¹ На Европейском Севере это пять регионов: Мурманская область, республики Карелия и Коми, Архангельская область, в составе которой Ненецкий автономный округ учитывается отдельно. К Азиатскому Северу целиком относятся восемь субъектов Федерации: республики Тыва и Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская и Сахалинская области, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа.

теру протекания процессов естественного воспроизводства населения. В ряде территорий: в республиках Карелия и Коми, Архангельской и Мурманской областях, Камчатском крае, Магаданской и Сахалинской областях, как и в целом по стране, с начала 1990-х годов развернулась депопуляция населения. В результате характерных для 2000-х годов встречных благоприятных тенденций рождаемости и смертности в Камчатском крае естественная убыль сменилась положительным естественным приростом еще в 2007 г., в Республике Коми и Мурманской области – в 2011 г., в Магаданской области, как и в России, в 2013 г., в Сахалинской области – в 2014 г.

В Республике Карелия и Архангельской области депопуляция сохраняется до сих пор: в Карелии как ввиду более высокого, чем в среднем по России, уровня смертности, так и низкой рождаемости, в Архангельской области — преимущественно из-за низкой рождаемости.

В республиках Тыва и Саха (Якутия), Ненецком, Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском и Чукотском автономных округах в период общероссийской депопуляции и по настоящее время наблюдается положительный естественный прирост, которому способствует более молодая возрастная структура населения, обуславливающая пониженный уровень общего коэффициента смертности и повышенный коэффициент рождаемости, формируемый, кроме того, за счет особенностей репродуктивного поведения коренных этносов данных регионов. В целом на Азиатском Севере усредненный общий коэффициент рождаемости выше, чем на Европейском Севере [11, с. 133].

В теории демографии структура факторов, детерминирующих итоговую рождаемость в конкретный период, включает: те или иные изменения в возрастной структуре репродуктивных контингентов; изменения календаря (тайминга) рождений (откладывание, реализация отсроченных рождений, уплотнение календаря рождений); изменения репродуктивных установок населения [8, с. 73]. От первого фактора — численности и возрастного состава женщин фертильного возраста — в значительной степени зависит абсолютное число рождений. Эти показатели в России сильно и быстро меняются во времени из-за характерных для нее «демографических волн», т.е. перемежающихся, сменяющих друг друга разных по численности поколений. Размах «демографических волн»

последнего полувека российской истории был таким: в 1960 г. родилось 2,8 млн. детей, в 1969 г. — 1,8 млн., в 1987 г. — 2,5, в 1999 г. — 1,2, в 2005 г. — 1,5 [6, с. 61-62], в 2015 г. — 1,9 млн. детей.

Другие два фактора рождаемости детерминированы особенностями репродуктивного поведения населения — действиями людей и отношениями между ними, возникающими в связи с рождением ребенка или отказом от рождения². Репродуктивное поведение определяет итоговое число детей у каждой конкретной семьи (индивида) и зависит от способности к зачатию, потребности в детях и субъективной оценки условий жизни, препятствующих либо сопутствующих ее реализации [1, с. 254-255; 4, с. 67-68]. Существенное влияние на рождаемость оказывают национальные традиции и репродуктивные установки населения, которые в конечном счете отражает статистический показатель — суммарный коэффициент рождаемости в расчете на одну женщину [9, с. 93].

Несмотря на неоднородность протекания процессов естественного воспроизводства в северных регионах, можно выделить ряд обстоятельств, которые актуализируют исследование результативности мероприятий по стимулированию рождаемости на Севере России.

В их основе, прежде всего, лежит ухудшение демографической структуры. *Во-первых*, негативным образом на структуру населения воздействует миграционная убыль жителей практически из всех северных субъектов. Исключение составляют Карелия, Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, где за 2000–2015 гг. прибыло больше населения, чем выехало за их пределы. Причем структура

² Медков В.М. Демография. — Ростов н/Д: Феникс, 2002.

Таблица 1. Динамика численности населения северных регионов России в 2000–2015 гг., человек

Регион	2000 г.	2007 г.	2015 г.	Изменение численности населения за 2000–2015 гг., %
Республика Карелия	735 462	665 032	632 533	-14,0
Республика Коми	1 057 873	944 816	864 424	-18,3
Архангельская область	1 390 334	1 266 667	1 183 323	-14,9
Ненецкий АО	41 174	41 854	43 373	5,3
Мурманская область	941 062	823 978	766 281	-18,6
Ханты-Мансийский АО	1 359 646	1 475 188	1 612 076	18,6
Ямало-Ненецкий АО	496 292	521 621	539 985	8,8
Республика Тыва	306 152	302 357	313 777	2,5
Республика Саха (Якутия)	962 507	956 099	956 896	-0,6
Камчатский край	372 308	330 810	317 269	-14,8
Магаданская область	201 974	166 902	148 071	-26,7
Сахалинская область	569 234	513 452	488 391	-14,2
Чукотский АО	61 613	52 913	50 540	-18,0

миграционной убыли от 82 до 95%³ состоит из населения моложе трудоспособного и в трудоспособном возрасте, что постоянно и значительно ухудшает репродуктивный потенциал северных территорий.

В результате высокой миграции, наблюдаемой в большинстве северных субъектов, и длительной естественной убыли населения, характерной для семи регионов, численность постоянного населения ряда северных территорий за период 2000–2015 гг. заметно сократилась. Особенно сильным было сокращение в Магаданской (26,7%), Мурманской (18,6%) областях и в Республике Коми (18,3%) – вследствие обеих причин, в Чукотском автономном округе (18,0%) – ввиду значительной миграции. Только в Ханты-Мансийском и Ненецком автономных округах численность населения имела в рассматриваемый период положительную динамику (увеличилась на 18,6 и 5,3%, соответственно) за счет миграционного притока и естественного прироста,

а также в Ямало-Ненецком автономном округе (8,8%) и Республике Тыва (2,5%) – исключительно за счет естественного прироста. В условиях существенно сократившихся масштабов миграционной убыли и сохранения положительного естественного прироста за 2000–2015 гг. почти не изменилась численность населения в Республике Саха (Якутия) (табл. 1).

Вторым фактором, объединяющим в изучении тенденций рождаемости северные регионы России, является нарастающее ухудшение структуры населения детородных возрастов. Если в первом десятилетии 2000-х годов повышение рождаемости обуславливалось сразу двумя факторами – благоприятной возрастной структурой и активизацией демографической политики, то во втором десятилетии главный вклад в рождаемость стали вносить малочисленные поколения, рожденные в период демографического кризиса. В результате оттока населения с Севера и действия эффекта демографической волны к 2015 г., с момента Всероссийской переписи 2002 г., существенно сократилась численность женщин репродуктивных возрастов, особенно от 15 до 29 лет.

³ Рассчитано по: Социально-демографическая характеристика мигрантов [Эл. рес.] // Центральная база статистических данных. – Реж. дост.: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/#1>

В целом по России численность последних уменьшилась на 18,3%. По северным регионам минимальное сокращение данной возрастной группы произошло в Республике Саха (Якутия) (11,3%), в Ханты-Мансийском (15,2%), Ненецком (18,1%) и Ямало-Ненецком (18,1%) автономных округах. Максимальной, значительно превышающей среднероссийский уровень, убылью молодых фертильных контингентов характеризуются Магаданская область (41,6%), Республика Коми (41,5%), Мурманская (39,2%), Архангельская (38,2%), Сахалинская (37,4%) области, Республика Карелия (36,6%) и Камчатский край (35,1%).

Северные регионы России являются важнейшими стратегическими, ресурсными территориями страны. Роль их в последние годы вновь увеличивается. Особенно это проявилось после введения антироссийских экономических санкций. При этом значительная часть северных регионов (республики Карелия и Коми, Архангельская и Мурманская области, Камчатский край, Магаданская и Сахалинская области) отнесены к субъектам Российской Федерации, в которых демографическая ситуация требует незамедлительного реагирования. Эти факторы также повышают значимость оценки эффективности мер демографической политики с позиции решения задачи сохранения и возобновления человеческих ресурсов Российского Севера.

Актуальность демографических проблем, понимание негативных последствий снижения или стагнации рождаемости на критически низком уровне (нехватка рабочей силы, постарение демографической структуры, риск размывания национального состава населения территории из-за значительного уровня наплыва мигрантов из стран с высокой рождаемостью и пр.)

привели к тому, что с 2003 г. все больше государств объявляют о реализации у себя политики, направленной на повышение рождаемости [14, с. 47].

В России ее активизация началась в 2006 г. в связи с ежегодным Посланием Президента Федеральному Собранию и последовавшим за этим изданием ряда законодательных актов и внесением редакций в законодательство в области поддержки семьи с детьми. К главным мероприятиям демографической политики в сфере рождаемости относятся: введение в 2006 г. родовых сертификатов в рамках национального проекта «Здоровье»; увеличение размера и изменение способа начисления пособий по уходу за ребенком до 1,5 года; повышение оплаты отпусков в связи с рождением и воспитанием детей – 100% от заработной платы выплачивается 70 дней до и 70 дней после родов. Особенно важной и крупнозатратной мерой стимулирования рождений (усыновлений) второй и последующей очередности стало введение с 1 января 2007 г. федерального материнского (семейного) капитала. Десятилетний опыт действия уже сделал его широко известной мерой демографической политики, поэтому ограничимся лишь информацией о том, что его размер в 2015–2016 гг. составляет 453 025 руб.

В научных исследованиях можно найти обоснование рациональности демографической политики, направленной прежде всего на стимулирование рождений второй очередности, поскольку при принятии решения о рождении второго ребенка «родители оценивают, как оно повлияет на их собственное благополучие, а также на уже рожденного ребенка. В условиях, когда семья находит множество достоинств оставаться однодетной, она зачастую принимает такое решение» [16, с. 669]. Другие ученые также подтверждают, что «выбор

семьи иметь как минимум одного ребенка является нормативным и, как правило, не зависит от экономических факторов. В то же время, при субъективной неудовлетворенности материальными условиями жизни, люди снижают предполагаемый размер семьи, особенно в случае, если у них уже есть один ребенок» [21, с. 716].

Во втором десятилетии 2000-х годов произошло усиление и расширение многообразия мероприятий демографической политики. С 2011 г. в регионах стал выплачиваться региональный материнский (семейный) капитал семьям с целью стимулирования рождения (усыновления) детей третьей или последующей очередности. 14 июня 2011 г. были внесены поправки в Земельный кодекс РФ, согласно которым граждане, имеющие троих и более детей, получили право на бесплатное приобретение земельных участков; с 2013 г. осуществляется предоставление права на профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование женщинам в период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет; в рамках ФЦП «Жилище» (2015–2020 гг.) реализуется подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей».

С 1 января 2013 г. для регионов, характеризующихся уровнем рождаемости ниже среднего по стране, на федеральном уровне была установлена поддержка нуждающимся семьям после рождения третьего и последующего ребенка до достижения им трех лет в размере регионального прожиточного минимума на детей. Из средств федерального бюджета данная выплата производится в регионах с низкой рождаемостью с целью ее стимулирования и поддержки семей с тремя и более детьми. В число этих регионов входят и семь северных: республики Карелия и Коми, Архангельская, Мурманская, Магаданская, Сахалинская области и Камчатский край.

В Ненецком, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах данное пособие выплачивается на тех же основаниях, что и федеральное, но из средств региональных бюджетов. В республиках Тыва и Саха (Якутия) и Чукотском АО пособие на третьего ребенка в малоимущих семьях не выплачивается⁴.

Подробнее остановимся на описании особенностей выплаты регионального материнского (семейного) капитала, размер которого существенно различается по регионам (табл. 2).

В основном право на получение регионального материнского (семейного) сертификата имеют семьи после рождения (усыновления) третьего либо последующего ребенка. Но есть и исключения. Так, в Коми усыновители получают другой вид пособия, региональный капитал им не полагается. В Республике Тыва, из-за высокой рождаемости, выплата производится лишь после рождения (усыновления) пятого либо последующего ребенка. В целях стимулирования рождаемости и предотвращения откладывания рождений первенцев с 1 января 2015 г. в двух северных регионах региональный материнский капитал в размере 100 тыс. руб. назначается на первого ребенка: в Камчатском крае – женщинам, родившим в возрасте 19–24 лет первенца, и в Магаданской области женщинам до 25 лет, родившим либо усыновившим первого ребенка.

Выплата регионального материнского (семейного) капитала в Архангельской области и Чукотском АО не носит целевого характера, поскольку его можно расходовать на любые нужды получателя. В Ямало-Ненецком округе эти средства можно направить на улучшение жилищных усло-

⁴ Сведения о ежемесячном пособии на третьего ребенка до трех лет [Эл. рес.]. – Реж. дост.: http://www.assessor.ru/notebook/posobija/ejemesyachnoe_posobie_na_tretego_rebenka_do_3_let/

Таблица 2. Размер регионального материнского (семейного) капитала в северных регионах России

Регион	Размер регионального материнского (семейного) капитала
Республика Карелия	105 тыс. 500 руб., не индексируется
Республика Коми	150 тыс. руб., не индексируется
Архангельская область	50 тыс. руб., не индексируется
Ненецкий АО	300 тыс. руб., ежегодно индексируется.
Мурманская область	108 тыс. 680 руб., ежегодно индексируется
Ханты-Мансийский АО	100 тыс. руб., ежегодно индексируется
Ямало-Ненецкий АО	350 тыс. руб., не индексируется
Республика Тыва	50 тыс. руб., не индексируется
Республика Саха (Якутия)	100 тыс. руб., ежегодно индексируется
Камчатский край	На третьего ребенка – в размере 119 тыс. руб., четвертого – 179 тыс., пятого – 238 тыс.; шестого и последующего ребенка – 298 тыс. руб., ежегодно индексируется
Магаданская область	100 тыс. руб., ежегодно индексируется
Сахалинская область	150 тыс. руб., ежегодно индексируется
Чукотский АО	100 тыс. руб., ежегодно индексируется

вий, получение медицинской помощи членами семьи (родителями и/или детьми) в медицинских организациях, расположенных на территории Российской Федерации и за ее пределами, и на получение разовой денежной выплаты в размере 25 тыс. руб. при рождении (усыновлении) третьего (последующего) ребенка.

Все остальные северные субъекты объединяет то, что региональный материнский капитал семьи могут расходовать на улучшение жилищных условий и получение образования ребенком (детьми), а также на другие направления, предусмотренные региональным законодательством. Наиболее широкие возможности для его расходования (пять и более направлений) предоставлены семьям в Ненецком АО, Мурманской области и Якутии.

Применение метода стандартизации по возрастным коэффициентам рождаемости 2006 г. позволило оценить эффективность демографической политики, проводившейся в 2007–2015 гг. в России и ее северных регионах. Метод заключается в расчете гипотетического числа родившихся при реальной возрастной структуре, но при возрастных коэффициентах, принятых за стандарт [7, с. 15]. В представлен-

ном исследовании – это коэффициенты 2006 года, предшествовавшего началу активизации демографической политики по стимулированию рождаемости. Разница между реальным и гипотетическим числами родившихся показывает, насколько изменилась интенсивность рождаемости по сравнению с уровнем 2006 г.

Использование методики позволило выявить, что мероприятия демографической политики 2007–2015 гг. оказали влияние на рост интенсивности рождаемости как в целом по России, так и в ее северных регионах, но в разной степени (табл. 3).

Согласно расчетам, максимальный суммарный демографический эффект за счет повышения интенсивности рождаемости в условиях мер демографической политики наблюдается в Республике Тыва (увеличение в период 2007–2015 гг. числа рождений на 30,2%), Республике Коми (на 20,2%), Ненецком (на 20,2%), Ханты-Мансийском (на 19,7%) и Ямало-Ненецком (на 18,9%) автономных округах. Повышение интенсивности рождаемости в северных регионах Дальневосточного федерального округа оказалось ниже, а в Чукотском АО – значительно ниже, чем в других северных субъектах.

Таблица 3. Стандартизация коэффициентов рождаемости населения России и северных регионов РФ по возрастным коэффициентам рождаемости 2006 г., 2007–2015 гг.

Регион	Гипотетическое число родившихся (ГЧР), чел.	Реальное число родившихся (РЧР), чел.	РЧР – ГЧР, чел.	$\frac{РЧР - ГЧР}{РЧР} \times 100$ (%)
Российская Федерация	13 114 218	16 352 501	3 238 283	19,8
Республика Карелия	56 637	69 519	12 882	18,5
Республика Коми	85 681	107 412	21 731	20,2
Архангельская область	113 222	136 672	23 450	17,2
Ненецкий АО	5 042	6 316	1 274	20,2
Мурманская область	67 745	81 961	14 216	17,3
Ханты-Мансийский АО	184 366	229 528	45 162	19,7
Ямало-Ненецкий АО	61 964	76 407	14 443	18,9
Республика Тыва	50 370	72 214	21 844	30,2
Республика Саха (Якутия)	122 482	146 169	23 687	16,2
Камчатский край	31 520	36 601	5 081	13,9
Магаданская область	14 388	16 580	2 192	13,2
Сахалинская область	47 074	56 504	9 430	16,7
Чукотский АО	6 252	6 429	177	2,8
Северные регионы в целом	846 743	1 042 312	195 569	18,8

В большинстве северных регионов увеличение интенсивности рождаемости существеннее в сельской местности, «где возможность использовать средства материнского капитала на улучшение жилищных условий более реальна» [5, с. 102], а выплата пособия на третьего ребенка в размере детского прожиточного минимума малообеспеченным семьям является существенным подспорьем в условиях низкого уровня жизни и высокой безработицы. В Чукотском, Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах, Мурманской и Сахалинской областях, как и в целом по России, увеличение интенсивности рождаемости в городских и сельских территориях было почти одинаковым.

Самый незначительный суммарный эффект от демографических мер по стимулированию рождаемости наблюдается в Чукотском АО, что, с одной стороны, можно объяснить негативным контекстом социально-экономического развития округа. В рейтинге социально-экономического положения регионов Российской Феде-

рации Чукотский АО занимает стабильно низкие позиции: 2010 г. – 72 место из 83-х, 2011 г. – 68-е, 2012 г. – 75-е, 2013 г. – 76-е, 2014 г. – 77-е, 2015 г. – 67 место⁵. Хотя по уровню среднедушевых денежных доходов Чукотский АО имеет рейтинговые позиции выше средних по стране, покупательная способность доходов в 2012 г. по сравнению с 1990 г. в округе существенно сократилась, тогда как в целом по России возросла [10, с. 61]. По уровню ожидаемой продолжительности жизни, уровню зарегистрированной безработицы, финансовому положению, возможностям развития малого и среднего бизнеса, по степени удаленности от центральной части России, сложности транспортной связи с ней, а также из-за суровых климатических условий Чукотский АО также занимает низкие рейтинговые позиции. Ввиду масштабного миграционного оттока, временного характера проживания населения в регионе, не-

⁵ Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ в 2011–2015 гг. [Эл. рес.]. – Реж. дост.: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions

ликвидности жилищного фонда, особенно в периферийных районах, спрос на жилье в автономном округе понизился, его доступность возросла, что не обеспечивает такой востребованности главного направления расходования средств федерального и регионального материнского капитала, как в других регионах, где проблема с жильем обстоит более остро.

А с другой стороны, слабый эффект демографических мер в сфере повышения рождаемости, очевидно, обуславливается происходящим у коренного населения Чукотского АО переходом к малодетности, в результате которого репродуктивные установки снижаются, а роль субъективных притязаний в оценке условий жизни в качестве препятствующих или сопутствующих реализации репродуктивных намерений значительно возрастает. На наш взгляд, этим же можно объяснить и менее существенный уровень повышения интенсивности рождаемости в остальных дальневосточных северных регионах.

Еще более худшими, чем Чукотский АО, позициями в рейтинге социально-экономического положения регионов РФ отличается Республика Тыва, которая традиционно занимает одно из последних мест в оценках социально-экономического развития. Однако при этом для Тывы характерны как высокий уровень рождаемости, так и самые успешные результаты в увеличении ее интенсивности в период активизации демографической политики (30,2% дополнительных рождений). В этом регионе суммарный коэффициент рождаемости снижался до режима суженного воспроизводства лишь в период 1997–2001 гг. Т.е. в сравнении с другими северными субъектами рождаемость в республике была низкой в течение самого короткого промежутка времени: переход к малодетности у коренного населения Тывы не был уско-

рен даже многолетним неблагоприятным социально-экономическим контекстом. А с начала 2000-х годов в республике, как и в целом по стране, наблюдается повышение уровня рождаемости. С 2007 г., даже в городской местности, рождаемость соответствует простому, а в некоторые годы — расширенному режиму воспроизводства. На селе с 2002 г. преобладает расширенное воспроизводство, а во втором десятилетии 2000-х годов, с введением региональных мер демографической политики, поддерживающих только рождения очень высокого порядка, интенсивность рождаемости достигла в регионе максимальных значений.

В период 2011–2015 гг., при нарастающем ухудшении структуры фертильных контингентов, рост интенсивности рождаемости в России и ее северных субъектах оказался значительно выше в сравнении с периодом 2007–2010 гг. (табл. 4). Очевидно, усиление демографической политики сыграло заметную нивелирующую роль, компенсируя потери от структурного фактора.

В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что среди населения северных регионов Дальнего Востока в 2007–2010 гг., в период действия лишь федеральных мер демографической политики, увеличение интенсивности рождаемости было гораздо менее значительным, чем в других северных территориях страны, а в Чукотском АО интенсивность рождаемости оказалась даже ниже, чем до введения стимулирующих мероприятий. Усиление демографической политики региональными мерами способствовало дальнейшему росту интенсивности рождаемости. Наиболее существенно по сравнению с уровнем 2007–2010 гг. интенсивность рождаемости в 2011–2015 гг. повысилась в тех субъектах, где с 2013 г. помимо федерального и регио-

Таблица 4. Стандартизация коэффициентов рождаемости населения России и северных регионов РФ по возрастным коэффициентам рождаемости 2006, 2007–2010 и 2011–2015 гг.

Регион	2007–2010 гг.		2011–2015 гг.	
	РЧР – ГЧР, чел.	$\frac{РЧР - ГЧР}{РЧР} \times 100$ (%)	РЧР – ГЧР, чел.	$\frac{РЧР - ГЧР}{РЧР} \times 100$ (%)
Российская Федерация	922 047	13,4	2 316 236	24,4
Республика Карелия	3 736	12,2	9 146	23,6
Республика Коми	5 093	10,9	16 638	27,4
Архангельская область	6 829	11,1	16 622	22,1
Ненецкий АО	406	14,8	868	24,3
Мурманская область	3 653	10,1	10 563	23,1
Ханты-Мансийский АО	10 689	11,4	34 473	25,4
Ямало-Ненецкий АО	3 193	10,0	11 250	25,4
Республика Тыва	8 124	25,4	13 720	34,1
Республика Саха (Якутия)	7 135	11,4	16 552	19,8
Камчатский край	941	5,9	4 140	20,0
Магаданская область	421	5,7	1 771	19,2
Сахалинская область	2 020	8,2	7 410	23,3
Чукотский АО	-57	-1,9	234	6,8
Северные регионы в целом	52 183	11,6	143 387	24,2

нального материнского капитала малоимущим семьям было установлено пособие на третьего ребенка до достижения им трех лет. За исключением Ненецкого АО, где и в 2007–2010 гг. прирост рождаемости за счет ее интенсивности был достаточно значительным и, соответственно, дальнейшее увеличение оказалось не столь заметным.

Полученные результаты подтверждают выводы аналогичных исследований, проведенных в целом по России и на примере других её регионов. Так, расчеты О.В. Кучмаевой, произведенные с помощью стандартизации специального коэффициента рождаемости косвенным способом при принятии за стандарт возрастных коэффициентов рождаемости за 2006 г., показали, что за счет роста интенсивности рождаемости в 2007 г. специальный коэффициент рождаемости увеличился на 8%, в 2008 г. – на 15,1% [5, с. 101]. А.А. Шабунова и О.Н. Калачикова в ходе оценки факторов рождаемости индексным методом выявили, что зафиксированный в Вологодской области в период с 2006 по 2011 г.

рост рождаемости большей частью (на 74%) обусловлен увеличением интенсивности рождений [13, с. 378]. В то же время в нашем исследовании оказалась возможной оценка результатов наращивания мероприятий демографической политики.

Несмотря на постоянно звучащие в научных и общественных дискуссиях сомнения в отношении эффективности и необходимости реализации экономических мер демографической политики в странах с низкой рождаемостью, П. Макдональд приводит весомые аргументы в пользу того, что опыт проведения демографической политики, как правило, имеет положительный эффект в решении задачи по удержанию рождаемости на определенном уровне или ее повышению с очень низких уровней даже в пределах суженного режима воспроизводства [18]. Судя по результатам комплексного исследования, проведенного Rand Corporation в странах Европы, «сворачивание политики поддержки семей в ряде европейских стран (Польше, Восточной Германии и Испании)

способствовало снижению рождаемости в этих странах, тогда как во Франции реализация семейной политики была одной из приоритетных целей страны с момента принятия Семейного кодекса (в 1939 г.), что привело к относительно высоким показателям рождаемости» [15].

Г. Нейер, основываясь на итогах исследования реализации семейной политики в различных странах, заключает: «Страны, которые считают свою семейную политику частью политики в области рынка труда, политики социального обеспечения, добиваются больших успехов в поддержании уровней рождаемости выше крайне низких отметок» [20]. В. Лутц и К. Миллиган также приходят к выводу, что «прямое финансовое поощрение может быть эффективным способом повышения рождаемости» [17; 19].

В результате введения дополнительных экономических мер демографической политики рождаемость повысилась и в городских, и в сельских территориях. Но, за исключением Республики Тыва, в городской местности северных регионов величина суммарной рождаемости по-прежнему соответствует суженному режиму воспроизводства.

В сельских территориях Карелии, Коми и Архангельской области рождаемость перешла к режиму расширенного воспроизводства еще до наращивания мероприятий демографической политики. С 2011 г. расширенное воспроизводство сельского населения характерно для Республики Саха (Якутия), с 2012 г. — для Ханты-Мансийского и Чукотского автономных округов, Сахалинской и Магаданской областей. В Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах и Республике Тыва интенсивность рождаемости среди сельского населения даже в период демографического кризиса

1990-х годов была высокой, значительно превосходявшей показатели других северных субъектов. Однако, как и в вышеперечисленных регионах, за период действия дополнительных мер демографической политики суммарный коэффициент рождаемости в них существенно превысил ранее наблюдавшиеся уровни.

В Камчатском крае в 2013 г. за счет повышения интенсивности рождаемости в сельских территориях удалось достичь перехода от суженного к простому воспроизводству. А в Мурманской области малочисленное сельское население репродуктивных возрастов, несмотря на повышение рождаемости, так и не вышло за пределы суженного воспроизводства. Наиболее существенно с момента усиления государственной демографической политики дифференциация в разрезе «село-город» стала проявляться в северных регионах Северо-Западного федерального округа и в Республике Тыва.

В «Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года» была поставлена задача повысить по сравнению с 2006 г. суммарный коэффициент рождаемости к началу третьего этапа ее действия — в 1,3 раза к 2016 г. В целом по России и в ее северных регионах, за исключением Чукотского автономного округа, эта задача выполнена раньше намеченных сроков (табл. 5).

В Республике Тыва сразу после начала действия федерального материнского (семейного) капитала произошло повышение суммарного коэффициента рождаемости на 27%. В целом по России к 2012 г. он увеличился по сравнению с 2006 г. на 29%, т.е. практически в 1,3 раза. В остальных северных регионах целевые показатели были достигнуты также в 2012 г., а в Камчатском крае и Сахалинской области — в 2013 г.

Таблица 5. Суммарный коэффициент рождаемости населения в России и северных регионах РФ, детей

Регион	2006 г.	2007 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Рост за 2006-2015 гг., раз
Российская Федерация	1,31	1,42	1,69	1,71	1,75	1,78	1,4
Республика Карелия	1,32	1,41	1,71	1,65	1,74	1,77	1,3
Республика Коми	1,38	1,50	1,88	1,97	2,02	2,00	1,4
Архангельская область	1,37	1,50	1,76	1,80	1,84	1,85	1,4
Ненецкий АО	1,71	1,88	2,35	2,31	2,42	2,58	1,5
Мурманская область	1,26	1,32	1,57	1,62	1,65	1,71	1,4
Ханты-Мансийский АО	1,52	1,61	2,02	2,05	2,09	2,07	1,4
Ямало-Ненецкий АО	1,50	1,61	2,05	2,09	2,19	2,19	1,5
Республика Тыва	2,12	2,69	3,35	3,42	3,49	3,39	1,6
Республика Саха (Якутия)	1,72	1,91	2,17	2,17	2,25	2,19	1,3
Камчатский край	1,42	1,47	1,73	1,77	1,85	1,89	1,3
Магаданская область	1,32	1,35	1,65	1,69	1,66	1,66	1,3
Сахалинская область	1,40	1,48	1,71	1,81	1,96	2,02	1,4
Чукотский АО	1,78	1,83	1,97	1,91	2,04	2,10	1,2

В период действия мероприятий современной российской демографической политики в республиках Карелия и Коми, Архангельской, Мурманской, Магаданской и Сахалинской областях, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах рождаемость увеличивалась почти во всех возрастных группах. Лишь в группе женщин 15–19 лет она сокращалась, а в группе 20–24 лет характеризовалась разнонаправленным трендом. Причем максимума прирост возрастных коэффициентов рождаемости достигает у женщин средних (30–39 лет) и старших (40–44 лет) репродуктивных возрастов, что свидетельствует о реализации рождений, которые без дополнительного стимулирования могли бы не состояться. Для женщин старших фертильных возрастов материнство – спланированный этап в жизни, на реализацию которого вполне могут повлиять (и уже повлияли) меры демографической политики [3, с. 613].

В Ненецком АО прирост возрастных коэффициентов рождаемости был более равномерным и достигал максимума среди женщин 35–39 лет. В Республике Тыва

во всех возрастных группах прирост показателей рождаемости был практически одинаковым. В этих двух субъектах рост уровня рождаемости наблюдался и в самой младшей группе фертильного возраста (15–19 лет); более значительно, чем в других регионах, повысилась рождаемость в группе женщин 20–24 лет. В Республике Саха (Якутия) увеличение рождаемости также было достаточно равномерным по всем возрастам, кроме группы 15–19 лет, в которой она в течение 2006–2015 гг. держалась практически на одном уровне.

В Чукотском автономном округе зарегистрированы самые низкие темпы прироста возрастных коэффициентов рождаемости. В группе женщин 15–19 лет он был отрицательным. В возрасте 20–24 лет он чаще сокращался, чем увеличивался. В остальных возрастных группах в динамике рождаемости также не было сформировано устойчивого положительного тренда: в некоторые годы наблюдался незначительный рост, в другие – снижение. Отчасти это можно объяснить малочисленностью населения Чукотского автономного округа, при которой любое случайное де-

мографическое событие влияет на уровень показателя. Однако в Ненецком АО при таких же условиях наблюдается равномерный рост. Очевидно, неблагоприятная социально-экономическая ситуация в Чукотском АО, низкий спрос на жилье в условиях масштабного миграционного оттока и ускорение перехода коренного населения к малодетности сводят к нулю эффективность демографической политики, главным направлением которой является улучшение жилищных условий.

Максимальные темпы прироста суммарного коэффициента рождаемости у абсолютного большинства северных регионов наблюдались сразу после начала реализации мероприятий демографической политики, что свидетельствует о мгновенной реакции населения [12, с. 134]. Стагнацию и сокращение динамики рассматриваемого показателя предотвратило развитие с 2011 г. нового этапа демографической политики. Однако в те или иные годы в большинстве северных регионов уже проявились отрицательные темпы прироста суммарной рождаемости: в 2011 г. – в Архангельской области, в 2011 и 2013 гг. – в Ненецком и Чукотском автономных округах, в 2013 г. – в Республике Карелия, в 2014 г. – в Магаданской области, в 2015 г. – в Республике Коми, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, республиках Тыва и Саха (Якутия). Из-за неблагоприятных изменений возрастной структуры в последние годы в целом по России и в ее северных субъектах, за исключением Ненецкого АО и Сахалинской области, наблюдается стагнация или сокращение общего коэффициента рождаемости.

Репродуктивное поведение населения чувствительно к крупнозатратным мерам стимулирования рождаемости, поскольку низкий уровень жизни семей с детьми

остается ее ограничивающим фактором [2, с. 73]. Для того чтобы предотвратить устойчивость отрицательной динамики и усиление глубины сокращения рождаемости, важно сохранять выбранный курс демографической политики.

Таким образом, действие мероприятий современной демографической политики привело к увеличению вклада поведенческой компоненты в рождаемость населения северных регионов России вследствие роста ее интенсивности. В результате расчета гипотетического числа родившихся при реальной возрастной структуре и возрастных коэффициентах 2006 г., принятых за стандарт, удалось выявить, что в северных субъектах Федерации благодаря изменениям в репродуктивном поведении населения в период 2007–2015 гг. родилось на 195,6 тыс., или на 18,8%, больше детей, чем родилось бы при сохранении интенсивности рождаемости на уровне 2006 г. В период 2011–2015 гг., в условиях ухудшения структуры фертильных контингентов и усиления мер демографической политики, значение поведенческих факторов в формировании уровня рождаемости возросло. Если в 2007–2010 гг. за счет повышения интенсивности рождаемости было реализовано 11,6% дополнительных рождений, то в 2011–2015 гг. изменения в репродуктивном поведении населения существенно скомпенсировали устранение благоприятного воздействия на рождаемость структурного фактора, увеличив свою роль в формировании итоговой рождаемости до 24,2% дополнительных рождений.

Вследствие сохраняющейся в северных регионах России высокой актуальности улучшения условий жизни семей с детьми, интенсивность рождаемости еще длительное время будет реагировать на стимулирующие мероприятия, а ее всплеск будет наблюдаться сразу после введения новых

(особенно экономически значимых) мер поддержки семьи. Несмотря на сложность этой цели, необходимо выработать парадигму демографической политики государства, одновременно отвечающей сразу двум важным задачам: осуществлению социальной поддержки семей с детьми и

формированию равномерной интенсивности рождаемости в долгосрочной перспективе для максимального сглаживания ее волновых колебаний. Для этого демографическая политика должна, прежде всего, иметь длительный, устойчивый, предметный характер.

Литература

1. Архангельский, В.Н. Факторы рождаемости в России [Текст] / В.Н. Архангельский // Демографические перспективы России / под ред. акад. Г.В. Осипова и проф. С.В. Рязанцева. — М.: Экон-Информ, 2008. — С. 253-265.
2. Зверева, Н.В. Предварительные итоги и перспективы современной политики в области рождаемости / Н.В. Зверева, В.Н. Архангельский // Федерализм. — 2010. — № 2 (58). — С. 69-84.
3. Иванова, Е.И. Рождаемость в современной России: ожидаемый подъем или конъюнктурный сдвиг? / Е.И. Иванова // Научные труды / Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. — 2010. — № 8. — С. 610-626.
4. Калачикова, О.Н. Возможности и резервы повышения рождаемости в России / О.Н. Калачикова, А.А. Шабунова // Проблемы развития территории. — 2013. — № 6 (68). — С. 66-72.
5. Кучмаева, О.В. Возможности статистики в оценке эффективности социальных проектов / О.В. Кучмаева // Статистика и экономика. — 2010. — № 5. — С. 96-103.
6. Переведенцев, В.И. Демографические перспективы России / В.И. Переведенцев // Социологические исследования. — 2007. — № 12. — С. 58-69.
7. Попова, Л.А. Демографическое развитие семьи в Республике Коми / Л.А. Попова. — Сыктывкар, 1998. — 26 с.
8. Попова, Л.А. Современные стандарты репродуктивного поведения населения и задачи просемейной демографической политики / Л.А. Попова, Н.А. Бутрим // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2011. — № 2 (14). — С. 72-85.
9. Человеческий потенциал российских регионов. Демографическая составляющая человеческого потенциала / Н.М. Римашевская, В.К. Бочкарева, Л.А. Мигранова, Е.В. Молчанова, М.С. Токсанбаева // Народонаселение. — 2013. — № 3. — С. 82-141.
10. Фавстрицкая, О.С. Формирование инвестиционного механизма жилищных рынков в условиях депрессивных северных регионов (на примере Магаданской области): дис. ... канд. экон. наук / О.С. Фавстрицкая; ФГУ «ФИЦ «Информатика и управление» РАН». — М., 2017. — 167 с.
11. Фаузер, В.В. Демографические проблемы северных регионов России: сокращение численности населения и снижение рождаемости / В.В. Фаузер // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ. — 2015. — № 1. — С. 129-144.
12. Фрейка, Т. Эволюция рождаемости в России за полвека: оптика условных и реальных поколений / Т. Фрейка, С.В. Захаров // Демографическое обозрение. — 2014. — № 1. — Том 1. — С. 106-143.
13. Шабунова, А.А. К оценке эффективности стимулирования рождаемости (на материалах Вологодской области) / А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова // Демографические процессы на постсоветском пространстве: материалы VI Уральского демографического форума с международным участием / отв. ред. А.И. Татаркин, А.И. Кузьмин. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015. — С. 377-384.
14. D'Addio, A. Trends and determinants of fertility rates in OECD countries: the role of policies [Text] / A. D'Addio, M. D'Ercole // OECD Social, Employment and Migration Working Papers. — № 27. — Paris: OECD. — P. 47.
15. Grant, J. Low fertility and population ageing: causes, consequences and policy options [Text] / J. Grant, et. al. — Santa Monica: RAND, XV. — 2004.
16. Kravdal, O. Demographer's interest in fertility trends and determinants in developed countries: Is it warranted? [E-resource] / O. Kravdal // Demographic Research. — Vol. 22. — Art. 22. — Published 20 April, 2010. — P. 663-690. — Available at: <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol22/22/>

17. Lutz, W. Will Europe be short of children? [Text] / W. Lutz // Family Observer, European Observatory on Family Matters, European Commission. – 1999. – P. 8-16.
18. McDonald, P. Low fertility and state: efficiency of policies [Text] / P. McDonald // Population and development review. – №. 32 (3). – September, 2006. – P. 485-510.
19. Milligan, K. Quebec's baby bonus: can public policy raise fertility? [Text] / K. Milligan // Background. C.D. Howe Institute. – January, 2002.
20. Neyer, G. Family policies and low fertility in Western Europe [Text] / G. Neyer // MPIDR Working Paper, Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research. – July, 2003.
21. Testa, M.R. Certainty of meeting fertility intentions declines in Europe during the «Great Recession» / M.R. Testa, S. Basten // Demographic Research. – Volume 31. – Art. 23. – Published 18 September, 2014. – P. 687-734. – URL: <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol31/23/>

Сведения об авторах

Мария Александровна Шишкина – Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26, maria-koroleva0018@rambler.ru)

Лариса Алексеевна Попова – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26, la_popova@lenta.ru)

Shishkina M.A., Popova L.A.

Impact of Modern Pro-Family Demographic Policy on Birth Rate Intensity in the Northern Regions of Russia

Abstract. The paper presents findings of a research, the goal of which was to evaluate the effectiveness of state measures aimed to promote the birth rate in Russia and its northern regions, their impact on the increase of birth rate intensity in 2007–2015. The relevance of choosing these territories for the study is determined by the high migration outflow of the population of reproductive age in most regions of the North, aggravating the growing adverse effects that the changes in the age structure have on fertility, the changes are due to the country's demographic history. Scientific novelty of the study consists in the fact that it determines the total demographic effect of current measures of pro-family policy, evaluates the results of enhancing its activities and makes a contribution to scientific studies on identifying the impact of the behavioral component of fertility on the formation of the final number of children in the family in terms of government incentives provided to families. This goal was achieved with the use of the method of standardization by age-specific birth rates for 2006. The authors have found out that in all of the territories the intensity of the birth rate increased most significantly in the women of middle and older reproductive age, but there exist regional specifics and differences in the nature of the transformation of the age-specific birth rate pattern. A 1.3-fold increase in the total fertility rate that was planned to coincide with the second phase of action of the Demographic Policy Concept of the Russian Federation until 2025 has reached the target indicators before the deadline nationwide and in the majority of Russia's northern regions. In the conditions of implementation of the demographic policy the number of births in Russia's northern regions was bigger by 195.6 thousand people or 18.8% compared to the number that would have

been observed if the intensity of birth rate remained at the level of 2006. The article makes an attempt to substantiate the differences in the increase in the birth rate intensity in the context of Russia's northern regions. In the period from 2010 to 2015, when there was a growing negative impact of the age structure factor on the one hand, and the intensification of demographic policy measures on the other, an increase could be observed in the contribution of a behavioral component to the formation of the resulting birth rate. The increase in birth rate intensity is associated with the fact that families with children are in need of improving their living conditions, the subjective assessment of these conditions as poor is the factor constraining the number of births in societies where small families prevail.

Key words: birth rate intensity, demographic policy, factors promoting birth rate, age structure, reproductive behavior, northern regions of Russia.

References

1. Arkhangel'skii, V.N. Faktory rozhdaemosti v Rossii [Drivers of birth rate in Russia]. *Demograficheskie perspektivy Rossii* [Demographic prospects of Russia]. Ed. by G.V. Osipov and S.V. Ryazantsev. Moscow: Ekon-Inform, 2008. Pp. 253-265. (In Russian).
2. Zvereva N.V., Arkhangel'skii V.N. Predvaritel'nye itogi i perspektivy sovremennoi politiki v oblasti rozhdaemosti [Modern fertility policy in Russia: preliminary results and outlook]. *Federalizm* [Federalism], 2010, no. 2 (58), pp. 69-84. (In Russian).
3. Ivanova E.I. Rozhdaemost' v sovremennoi Rossii: ozhidaemyi pod'em ili kon'yunktturnyi sdvig? [Fertility in modern Russia: an expected rise or a market shift?]. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN* [Scientific papers: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences], 2010, no. 8, pp. 610-626.
4. Kalachikova O.N., Shabunova A.A. Vozmozhnosti i rezervy povysheniya rozhdaemosti v Rossii [Opportunities for and potential of the birth rate increase in Russia]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2013, no. 6 (68), pp. 66-72. (In Russian).
5. Kuchmaeva O.V. Vozmozhnosti statistiki v otsenke effektivnosti sotsial'nykh proektov [Opportunities of statistics in the evaluation of the effectiveness of social projects]. *Statistika i ekonomika* [Statistics and economics], 2010, no. 5, pp. 96-103. (In Russian).
6. Perevedentsev V.I. Demograficheskie perspektivy Rossii [Demographic prospects of Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2007, no. 12, pp. 58-69. (In Russian).
7. Popova L.A. *Demograficheskoe razvitiye sem'i v Respublike Komi* [Demographic development of family in the Komi Republic]. Syktyvkar, 1998. 26 p. (In Russian).
8. Popova L.A., Butrim N.A. Sovremennyye standarty reproduktivnogo povedeniya naseleniya i zadachi prosemeinoi demograficheskoi politiki [Modern standards of reproductive behavior of the population and the objectives of pro-family population policy]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2011, no. 2 (14), pp. 72-85. (In Russian).
9. Rimashevskaya N.M., Bochkareva V.K., Migranova L.A., Molchanova E.V., Toksanbaeva M.S. Chelovecheskii potentsial rossiiskikh regionov. Demograficheskaya sostavlyayushchaya chelovecheskogo potentsiala [Human potential of the Russian regions. The demographic component of human potential]. *Narodonaselenie* [Population], 2013, no. 3, pp. 82-141. (In Russian).
10. Favstritskaya O.S. *Formirovaniye investitsionnogo mekhanizma zhilishchnykh rynkov v usloviyakh depressivnykh severnykh regionov (na primere Magadanskoi oblasti): dis. ... kand. ekon. nauk* [Formation of the investment mechanism of housing markets in the conditions of depressed northern regions (on the example of the Magadan Oblast: Ph.D. in Economics dissertation)]. Moscow, 2017. 167 p. (In Russian).
11. Fauzer V.V. Demograficheskie problemy severnykh regionov Rossii: sokrashchenie chislennosti naseleniya i snizhenie rozhdaemosti [Demographic problems of Russian northern regions: decline in the population and decline in fertility]. *Korporativnoye upravlenie i innovatsionnoye razvitiye ekonomiki Severa: Vestnik NITs KPUVI SyktGU* [Corporate governance and innovative economic development of the North: Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University], 2015, no. 1, pp. 129-144. (In Russian).

12. Freika T., Zakharov S.V. Evolyutsiya rozhdaemosti v Rossii za polveka: optika uslovykh i real'nykh pokolenii [Evolution of fertility in Russia for half a century: the optics of conditional and real generations]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic review], 2014, no. 1, vol. 1, pp. 106-143. (In Russian).
13. Shabunova A.A., Kalachikova O.N. K otsenke effektivnosti stimulirovaniya rozhdaemosti (na materialakh Vologodskoi oblasti) [Revisiting the evaluation of effectiveness of stimulation of birth rate (on the materials of the Vologda Oblast)]. *Demograficheskie protsessy na postsovetskom prostranstve: materialy VI Ural'skogo demograficheskogo foruma s mezhdunarodnym uchastiem* [Demographic processes in the former Soviet Union: proceedings of the 6th Ural demographic forum with international participation]. Executive editors A.I. Tatarkin and A.I. Kuz'min. Yekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2015. Pp. 377-384. (In Russian).
14. D'Addio A., D'Ercole M. Trends and determinants of fertility rates in OECD countries: the role of policies. *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*. No. 27. Paris: OECD. P. 47.
15. Grant J. et al. *Low fertility and population ageing: causes, consequences and policy options*. Santa Monica: RAND, XV, 2004.
16. Kravdal O. Demographer's interest in fertility trends and determinants in developed countries: Is it warranted? *Demographic Research*, 2010, vol. 22, art. 22, pp. 663-690. Available at: <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol22/22/>
17. Lutz W. Will Europe be short of children? *Family Observer, European Observatory on Family Matters, European Commission*. 1999. Pp. 8-16.
18. McDonald P. Low fertility and state: efficiency of policies. *Population and Development Review*, 2006, September, no. 32 (3), pp. 485-510.
19. Milligan K. Quebec's baby bonus: can public policy raise fertility? *Backgrounder*, C.D. Howe Institute, January, 2002.
20. Neyer G. *Family policies and low fertility in Western Europe. MPIDR Working Paper*. Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research. July, 2003.
21. Testa M.R., Basten S. Certainty of meeting fertility intentions declines in Europe during the "Great Recession". *Demographic Research*, 2014, vol. 31, art. 23, pp. 687-734. Available at: <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol31/23/>

Information about the Authors

Mariya Aleksandrovna Shishkina – Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russia, maria-koroleva0018@rambler.ru)

Larisa Alekseevna Popova – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director for Science, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russia, la_popova@lenta.ru)

Статья поступила 09.01.2017.